

ТЁМНЫЕ МАСКИ КАРАБАСА

АННА АНИНИБУД

Мрачный ретеллинг. С чего всё начиналось

Анна Анинибуд

Тёмные маски Карабаса

«Азбука»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6

Анинибуд А.

Тёмные маски Карабаса / А. Анинибуд — «Азбука»,
2026 — (Мрачный ретеллинг. С чего всё начиналось)

ISBN 978-5-389-33377-2

Таинственные маски – они могут сделать тебя всемогущим! Тебя ждёт стопроцентный успех, только найди тех, кто согласится их надеть. Если повезёт и маска признает своего владельца, публика будет ликовать. Ведь маска не просто управляет актёром, она проникает в его душу... Молодой Карабас мечтает о славе. И когда ему в руки попадает это сокровище, он тут же начинает набирать труппу из детей. Сироты, обиженные и никому не нужные, – они сделают его театр всемирно известным! Но у масок свои планы. Возможно, Карабас ошибся, доверившись им? Какие мрачные тайны скрывает закулисы его театра?

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-389-33377-2

© Анинибуд А., 2026

© Азбука, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Анна Анинибуд Тёмные маски Карабаса

© Анна Анинибуд, 2026

* * *

Глава 1

Настоящее. Паралич, или «Я не застывал»

Синьору Карабасу плохо спалось. Окна маленькой комнатухи выходили на конюшню. Тоже небольшую, вмещающую от силы три-четыре лошади, так что старую гнедую Белладонну пришлось привязать снаружи. Карабас смирился с духотой, несмотря на плотный запах человеческого пота, скопившегося от множества предыдущих постояльцев таверны. Это было терпимее, чем вонь нечищенной конюшни и поскуливание Дино и Джино. Лучше так, с закрытым окном.

Сколько еще таскаться по городам и тавернам? Когда уже он сможет остановиться и спать в своей личной комнате, на своей личной хрусткой белоснежной перине? Когда он выйдет на сцену театра, закрытую со всех сторон не хлипкими картонными перегородками, а настоящими стенами? Вместо деревянных низких скамеек стулья, обтянутые красным бархатом. По углам свечи в резных канделябрах.

«Уважаемая публика! Сейчас вы увидите представление, которое потрясет ваше воображение!» Он, похудевший и помолодевший, в ярко-красном костюме, окутанный канатами длинных голубых волос, взлетает под самый купол. Дино и Джино в оранжевых комбинезонах

вальсируют вокруг него на задних лапах, лают, подпевая мандолине, над которой льет блестящие слезы Пьеро. Публика рукоплещет: «Браво! Браво!» Мимо проплывают красные губы. Одни, вторые, третьи... Они растягиваются в широкие улыбки. Шире, еще шире. Ближе, еще ближе. Хищные улыбки. Злорадный, жуткий смех. Над самым ухом.

Карабас задрожал, пытаясь закутаться в одеяло с головой. С чего вдруг так холодно? Дрема прошла, он открыл глаза и увидел это. Оно сидело на стуле напротив него и смотрело безглазым плоским лицом. Белый бестелесный силуэт. Взгляд его ощущался всей кожей. Грустный, глубоко разочарованный, будто воющий от тоски. У Карабаса заledenело в груди. Он попытался пошевелиться, но тело не слушалось, его будто парализовало. Он пытался кричать, но изо рта вместо крика выходил пар. Сковывающий, собачий холод.

«Святой Генезий»¹, – подумал Карабас и крепко зажмурился. Через пару секунд он почувствовал, как кровь согревается, как покалывает кончики пальцев рук. Осторожно пошевелил ступней под одеялом, затем приоткрыл один глаз. На стуле никого. Сквозь грязное окно просачивался тусклый утренний свет.

– Как считаешь, что это было?

– Я думаю, это сонный паг'алич, – картаво ответил Дуремар и жадно втянул суп с ложки.

– Сонный паралич? – задумчиво переспросил синьор Карабас.

– Да. Сонный паг'алич. Такое бывает. Все пг'изнаки налицо. Невозможность пошевелиться, загадочные видения постог'онного пг'исутствия, стг'ах опять же.

– Не было страха, – зыкнул исподлбья Карабас.

– Н-да? Ну не было так не было, – тщательно облизал ложку Дуремар. – Но тем не менее смею пг'едложить добг'окачественных пиявок. Г'аз – и все нег'вы в пог'ядке!

– Так, значит, этот твой сонный паралич от нервов?

– Почему же мой, позвольте спг'осить? Ваш.

– Сейчас как дам больно!

Дуремар вжал голову в плечи и, конечно, однозначно получил бы по своему умному лбу костью от бараньей ноги, но, к его счастью, за узким столом у самого входа до икоты расхохотался Арлекин. Синьор Карабас резко покраснел, развернулся и запулил костью прямиком в спину мальчишке.

– Где ваши манеры? – рявкнул он.

Арлекин смирно вытянулся и замер. За столом сразу стало тихо.

– Мало я вас плеткой хлестал! – погрозил синьор Карабас и наклонился к Дуремару: – Так и быть, поставь мне своих кровопийц.

За узким столом сидело шестеро подростков: вытянувшийся в струнку рыжеволосый Арлекин, тихий и бледный Пьеро с грустными глазами, худой и высокий Артемон с копной черных кудрявых волос, двое близнецов, во внешности которых, помимо их похожести, не было ничего примечательного, и Мальвина, единственная девочка в труппе, с огромными голубыми глазами и такими же голубыми волнистыми волосами, завязанными синей лентой в короткий низкий хвост.

Арлекин наступил на упавшую под стол баранью кость и подтолкнул в сторону Артемона. Тот подцепил ее носком дырявого ботинка и, подкинув вверх, поймал рукой и засунул за широкий пояс.

Пьеро глубоко вздохнул и прошептал:

– Кому бобы с фасолью, кому баранья ножка.

Желудок сводит болью, в тарелке одна ложка.

¹ Святой Генезий – покровитель актеров. Согласно житию, Генезий в III веке был руководителем одной из театральных трупп Рима.

Одна лишь только ложка в дырявой грязной плошке.

Ни сыт ты и не голоден, внутри скребутся кошки.

– Кажется, говорят «на душе скребутся кошки», – поправила Мальвина, аккуратно вытирая платочком уголки рта.

– А, – махнул рукой Арлекин, – и так пойдет.

– Если знатные господа будут смотреть, а он такие неграмотные стихи прочитает?

– Я подумаю, как лучше переделать, – успокоил Мальвину Пьеро.

– Он подумает, как переделать, – кивнул Арлекин.

Артемон засунул за пояс кусок черствого хлеба.

Близнецы вылизали тарелки. Теперь можно было идти. Только дети начали вставать с лавки, как дверь таверны распахнулась, и влетел Сальваторе. Два шага – и он оказался у стола Карабаса.

– Синьор Карабас! Невиданное дело!

– Невиданное дело врываться вот так, когда честные люди обедают! – взревел Карабас.

– Но там такое! Кто-то испортил деревья. Все кроны поцарапаны. Мне кажется, что это дикий зверь. Возможно, медведь. Там вот такие царапины! И вот такие дыры! – раскинул руки в стороны Сальваторе.

Постояльцы таверны зашумели и вскочили со своих мест. Кто-то бросился во двор проверять лошадей, кто-то испуганно перекрестился и побежал в свою комнату. Воспользовавшись суматохой, дети мгновенно стянули с ближайших столов остатки еды и вынырнули на улицу.

Белый и черный пудели Дино и Джино встретили их громким лаем и набросились на баранью кость и фасоль. Белладонне же Артемон протянул кусок хлеба. Та осторожно взяла его мягкими губами. Теперь можно было посмотреть на испорченный реквизит.

У повозки, которой обычно управлял Сальваторе, столпился народ. Картонные деревья, привалившиеся к кузову, действительно были поцарапаны. Кроны их местами отодрались, куски картона еле держались, словно осенние листья.

– Маски? – встревожился Дуремар.

– Они в моей комнате, – ответил Карабас. – Только деревья пострадали?

Сальваторе выглянул из повозки:

– Да, только деревья. Они сверху лежали. Ничего не понимаю. Я все закрыл и перевязал на ночь. И все веревки остались на месте. Но внутри все поломано. Как он туда пролез?

– Ты бутафор! Твоя обязанность следить за реквизитом! – вскипел Карабас и сразу поежился от озноба, хотя двор таверны заливало майское солнце. Он вспомнил ночное происшествие и будто снова почувствовал на себе чей-то тоскливый взгляд. – Пора выдвигаться, – приказал он. – Починишь на месте.

Пока актеры собирали свои вещи с сеновала, где они провели ночь, Сальваторе растерянно почесывал перепачканные засохшей краской руки.

– Странно... – бормотал он себе под нос. – Очень странно. Как же он не повредил веревки?

В Ливорно прибыли, когда солнце пересекло свою полуденную границу. Въехали шумно. Близнецы бежали впереди повозок и выдавали акробатические номера. Арлекин жонглировал блестящими кольцами и апельсинами, показывал прохожим фокусы с монеткой: то за ухом ее найдет, то у себя в кармане. Пьеро весело, как мог, играл на мандолине. Мальвина очаровательно улыбалась и посылала воздушные поцелуи. Артемон вел Дино и Джино, которые выполняли совершенно немыслимые команды.

За повозками моментально увязались дети. Они бежали рядом, смеялись и хлопали в ладоши. Взрослые улыбались и спрашивали, когда приходить на представление.

– К вечег’у, – учтиво отвечал Дуремар. – Единственное пг’едставление всего за тг’и сольдо.

На Площади Карло Альберто ди Савойя (сейчас – Площадь Республики) Сальваторе сделал разметку для балагана², сцены и двух самодельных кулуаров³, которые на несколько дней выступлений послужат актерам и гримерной, и спальней. Одну комнату занимал Карабас, вторая предназначалась для актеров. Приходилось спать по двое на тонких матрасах. Исключением была Мальвина. Она отгораживала свой уголок ширмой и строго запрещала заглядывать к ней без спроса.

Дополнительные рты, по подсчетам Дуремара, труппа позволить себе не могла, поэтому актеры помогали Сальваторе устанавливать постройку. За несколько лет они успели выработать оптимальную схему и распределить обязанности. Артемон и Арлекин помогали носить доски и инструменты, близнецы приколачивали всё гвоздями, Пьеро развешивал кулисы и задник, Мальвина обустраивала кулуары для актеров и Карабаса. Сальваторе и Дуремар на ночь располагались в повозках, чтобы оставшийся в них реквизит никто не своровал.

Когда все было установлено, Мальвина достала из корзинки хлеб, сыр, молоко и разделила поровну между актерами. На утро осталось каждому по лепешке и по апельсину. Насколько сытно они будут завтра ужинать, напрямую зависело от выступления. Ливорно был довольно большим городом. Не Флоренция, конечно, но и не Виченца. Это давало надежду.

Арлекин как-то ради интереса подсчитал количество зрителей, умножил на три сольдо и сравнил со стоимостью тарелки фасоли в таверне. И будто бы получалось, что актеры тоже могли полакомиться бараньей ножкой или хотя бы куриными крылышками. А так как Арлекин был катастрофически смелым и безрассудным, то показал свои расчеты Дуремару, который, в свою очередь, рассказал Карабасу. Тот взял семихвостую плетку. Мальвина потом извела много бежевой краски, чтобы замазать синяки на теле Арлекина.

– Считать мои деньги удумали?! – орал Карабас.

Арлекин расстраивался:

– Вот кто меня дернул снова полезть не в свое дело...

– Настоящий актер должен быть немного голоден, иначе он зажрет свой талант, – процитировал Карабаса Пьеро. – Разве ты забыл об этом?

До выступления остался час. Следовало прогнать пьесу, чтобы на сцене не случилось накладок. Все, кроме суетящегося и вечно опаздывающего Арлекина, репетировали в масках. Арлекин же всегда одевался в последний момент и этим выводил из себя не только Карабаса, но и Мальвину.

– Когда-нибудь ты доиграешься и тебя так отлупят, что у меня не хватит краски маскировать твои синяки, – расстраивалась она.

Арлекин вспыхивал:

– Вот не надо меня контролировать!

К слову, раздражительным Арлекин стал только в последний год. Дуремар сказал, что в переходном возрасте все дети становятся невыносимыми, и Карабас заранее, для профилактики, хлестал своей плеткой актеров.

Каждому амплуа⁴ полагалась маска, и чужую не разрешалось даже примерять. Пьеро надел белоснежную с грустными черными губами. Прорези для глаз были обведены черной краской с вкраплением золотых нитей. Из внешних уголков глаз капали блестящие нарисованные слезы. В этом было что-то ненатуральное и одновременно притягивающее взгляды.

² Балаган – временное театральное помещение из досок, покрытое брезентом или холстом.

³ Кулуары – боковые залы в театре, служащие для отдыха.

⁴ Амплуа – определенный род ролей, соответствующих внешним и внутренним данным актера, переходящий из пьесы в пьесу.

Верхнюю часть маски Мальвины украшал яркий синий узор из завитков, что издали напоминали перья птиц. Такие же синие перья были приколоты фиолетовой брошью с правой стороны, с левой же стороны красовался огромный синий бархатный цветок. Под перьями и цветком на уровне ярко-голубых губ свисали перламутровые серьги-капли.

Маска Артемона была витиевато расшита золотыми и серебряными нитями, лоб ее украшали короткие пятнистые перышки, а по верхней линии от щеки до щеки густо расположились длинные белые и черные перья.

Арлекин, конечно, снова не успел подготовиться и начал репетицию с ходу, одновременно натягивая на себя разноцветный лоскутной комбинезон.

– Как там... Вы видели когда-нибудь влюбленных? – декларировал он, застегивая пуговицы. – Далее они отвечают «конечно»... – Ха-ха, говорю я. И вовсе вы не видели. Те влюбленные были просто репетицией наших влюбленных. Ваш выход!

Мальвина прижала руки к груди:

– Ах, где же мой милый Пьеро? Как он может опаздывать в такую важную для нас минуту! В минуту, когда мы соединим наши сердца навеки!

Артемон, вытянувшись в струнку, раскрыл книгу внушительного размера и поднял два пальца правой руки.

Мальвина шикнула:

– Пьеро! Выход.

Пьеро восторженно, широко раскинул руки и, посмотрев вверх, протяжно пропел:

– Ах, если б минута тянулась бы вечно,
Что мог бы я сделать в тот миг?
Сумел бы убить в себе эту беспечность?
Успел бы...

Пьеро замолчал. Мальвина нетерпеливо топнула:

– Ну давай уже, времени мало.

Артемон покосился на застывшего Пьеро и недоуменно потряс перьями на маске. Тот стоял, раскинув руки в стороны, и не шевелился.

– Забыл, что ли? – подскочил один из близнецов в серой маске, на которой была нарисована улыбка.

Второй, в грустной маске, слегка толкнул Пьеро:

– Что это ты как истукан?

Тот от толчка качнулся влево, приподняв правую ногу, а потом снова встал на обе ноги.

– Успел бы... – подсказала Мальвина.

Но Пьеро продолжал стоять с приоткрытым ртом.

– Дружище, – подскочил Арлекин. – Захотел тумачить раньше времени? Так это я тебе сейчас обеспечу!

Он шутиливо запрыгал вокруг Пьеро, сжав кулаки, а потом слегка стукнул его по носу.

– ...сказать о любви? – закончил песню Пьеро.

– Ха-ха-ха! – засмеялся Арлекин. – Вы видели? Видели? Ему может помочь только настоящая взбучка!

– Ты что дерешься? – рассердился Пьеро.

– А нечего дурацкие шуточки шутить.

– Я не шутил! Я репетировал песню! А ты посреди слов вдруг кулаками замахал!

Близнецы переглянулись:

– Вам не кажется, что он не помнит, что застыл на половине фразы?

Пьеро обиженно скрестил руки на груди:

– Сговорились, что ли? Я не застывал!

Он вытер под маской слезы, которые вдруг потекли ни с того ни с сего. Вообще в последнее время он начал расстраиваться по пустякам и чаще плакать. Арлекин смеялся над этим, а Мальвину мальчишеские слезы раздражали. Поэтому он старался плакать украдкой. Но в этот раз все друзья над ним злобно пошутили. Пьеро был уверен, что вовсе не застывал, а пропел песню до конца и даже ни разу не сбился. Почему над ним посмеялись, он не понял.

Глава 2

Пять лет назад. Карабас

Он не понял, что очаровало его больше: белая маска с голубиными перьями, выкрашенными в синий, или та, кто был под маской. Оторвать взгляд от высокой, пышноволосой актрисы Коломбины с зычным поставленным голосом, было категорически невозможно. С открытым ртом Карабас ловил каждое движение ее загорелой руки, каждый наклон гибкого тела, колыхание когда-то белого, но сейчас серого от времени платья. Она была бесподобна. Собравшаяся на площади разношерстная публика, казалось, вдыхала одним вдохом и выдыхала одним выдохом, словно стала единым организмом. Мельпомена⁵ одарила эту актрису, не иначе.

Карабас вставал на цыпочки, боясь упустить что-то из виду. Тут вышел другой актер, изображавший старика Панталоне, и очень смешно закричал. Казалось, сама маска издает звуки, от которых хочется согнуться пополам и смеяться до колик в животе. «Хочу так же», – поймал себя на мысли Карабас. Так же уметь, так же заводить публику. Нет, сильнее, больше.

⁵ Мельпомена – муза трагедии в древнегреческой мифологии.

Он точно сможет больше. Только бы научиться. По-настоящему попробовать себя. Не в одиночестве пантомимы, не меняя голоса, а вот так. Чтобы одна роль, но какая! Какой образ! Какие костюмы! Какая энергетика!

В какой-то момент Коломбина послала воздушный поцелуй. Юноши ловили его руками, прижимали к груди. И только один Карабас заметил, как в вырезе маски подмигнул миндалевидный глаз. Ему. Только ему. Не может быть, чтобы кому-то еще. И Карабас вытянул руки и поймал воздушный поцелуй. Он обжег его ладони, влетел в сердце и горячо запек изнутри.

После окончания представления публика долго не отпускала артистов. Кто-то бросил на сцену цветок. Коломбина улыбнулась. Сразу завязалась драка. Двое юношей, один из которых и кинул цветок, сцепились не на шутку. Коломбина вздрогнула и, подхватив подол платья, быстро скрылась за кулисами. Актеры сняли маски и начали разгонять публику. Очарование представления сразу исчезло. Дерущиеся ошарашенно посмотрели по сторонам, затем помогли друг другу стряхнуть пыль с одежды, пожали руки и разошлись.

Карабас остался. Он сел в тени широколистного бука на углу площади, прислонился спиной к прохладному гладкому стволу и наблюдал. Бутафоры⁶ разбирали декорации и уносили их со сцены. Затем принялись разбирать и саму сцену. Получается, это было последнее представление, и труппа собирается в дорогу? Значит, необходимо действовать прямо сейчас. Карабас решительно поднялся.

– Помощь не нужна?

– Нет, парень. Мы и сами справимся, – выпрямился один из бутафоров, и Карабас с удивлением узнал того, кто играл Панталоне. Мужчина был вовсе не так стар и немощен, каким казался на сцене. Напротив, оказался крепок и силен. На вид ему можно было дать чуть больше тридцати.

– Синьор, вы играли Панталоне?

– Я, – широко улыбнулся мужчина.

– Bravo! Я восхищен! Никогда не видел такого потрясающего перевоплощения, такого эффектного представления!

– Довольно, довольно, – засмеялся мужчина и протянул руку: – Антонио.

Карабас двумя руками крепко сжал ладонь Антонио:

– Карабас. К вашим услугам. Разрешите помочь? Так сказать, прикоснуться к прекрасному.

Антонио прищурился, оглядел его с ног до головы, кивнул и показал, что и куда отнести. Карабас закатал рукава рубашки и поднял пару картонных деревьев, сложенных вдвое. Осторожно обошел балки, на которых держались остатки досок, служащих для сцены, и закрутился по сторонам. Антонио сказал положить деревья в первую повозку или во вторую? В ту, что слева, или в ту, что справа? Как это у него так быстро вылетело из головы? Он оглянулся, но бутафоры вместе с Антонио ушли к другому краю сцены. Ладно, сам разберется. Из одной повозки наружу торчало свернутое в рулон покрывало серого цвета. «Задник⁷, – догадался Карабас. – Значит, и деревья туда».

Он прислонил реквизит к повозке и, откинув брезент, задел холщовый мешок. Из мешка показался нос маски Панталоне. Карабас вынул маску и рассмотрел ее с разных сторон. Черная. Чуть облупившиеся узоры, выведенные золотой краской, шли от левого виска к кончику длинного носа. Карабас прислонил ладонь к маске и сразу отдернул. Маска была слишком горячей. Ну конечно, черный цвет притягивает солнечное тепло. Про это ему рассказывал Дуремар, старый товарищ, который ждал его приезда в Лукке.

⁶ Бутафор – специалист, который создает театральный реквизит, декоративные элементы и имитации различных предметов для спектаклей.

⁷ Задник – большое живописное полотно, фон для других декораций.

Что-то в этой маске было такое, чего Карабас не мог понять. Ему совсем не хотелось выпускать ее из рук. Он смотрел на нее, смотрел, и вдруг в прорезях для глаз что-то шевельнулось. Игра воздуха? Солнечные блики? Карабас решил разглядеть получше. Он медленно стал приближать маску к лицу. Маска будто затрепетала в его руках. И длинный нос Панталоне уже не казался таким непривлекательным, и стертая золотая краска медленно проявлялась, добавляя узорам полную картину. «Ш-ш-ш...» – звала маска, и Карабасу до боли захотелось нырнуть в эти темные пятна вместо глаз. «Ш-ш-ш...»

– Ты кто такой?! – раздался над ухом гневный выкрик.

Карабас вздрогнул, и темные пятна стали просто дырами, пропал зов, вернулся птичий щебет и выкрики бутафоров: «Туда неси!», «Осторожно!».

Маску выдернули из его рук. Карабас поднял голову и увидел ее, прекрасную Коломбину. Без маски с голубиными перьями. Смуглое лицо с высокими скулами, пышные каштановые волосы забраны алой лентой в низкий хвост. Может, чуть старше Карабаса. Глаза ее сверкали:

– Кто позволил тебе трогать реквизит?!

Карабас понимал, нужно что-то ответить, но язык будто прилип.

Коломбина толкнула его ладонями в грудь:

– А ну убирайся отсюда!

– Прошу прощения, я помогаю Антонио, – наконец вымолвил Карабас.

– Антонио-о-о! – не отводя от Карабаса взгляда, громко позвала Коломбина. – Ты разрешал ему сюда подходить?

Подбежавший Антонио выпучил глаза:

– Дружище, я же говорил вон про ту повозку, что слева!

– Простите, перепутал, – развел руками Карабас.

– Перепутал он. – Коломбина туго перевязала мешок кожаным шнурком. – С масками нужно быть очень аккуратным. Таких во всей Италии больше нет. – Она гневно сверкнула глазами: – Ну? Что стоишь? Иди помогай, раз взялся.

Антонио, встревоженно глянув на Коломбину, всучил Карабасу деревья. Тот суетливо подхватил их и затолкал в нужную повозку, ту, что слева. Он сделал еще несколько заходов и перенес остальные декорации, весело болтая с актерами о том о сем и поглядывая на Коломбину. Та аккуратно складывала костюмы в дорожный сундук. Выпрямлялась, ловила взгляд Карабаса, хмурилась. Тот краснел и старался сильнее.

Наконец все декорации были убраны, сцена разобрана, балки погружены в телегу. Солнце уже не жарило, и по всей площади растянулась прохладная тень от здания ратуши.

– Спасибо, Карабас, за помощь, – пожал ему руку Антонио. – Хороший ты парень. Может, чем и мы тебе потом поможем.

– Возьмите меня в труппу.

Антонио вздрогнул и внимательно посмотрел на него:

– Это не мне решать. Капокомико⁸ у нас Коломбина.

Женщина? Главная в труппе женщина?

– Извини, парень, похоже, ты работал бесплатно, – дружески похлопал его по плечу один из актеров.

– Лучше бы шел ты своей дорогой, – добавил Антонио.

Но в планы Карабаса это не входило. Он почесал затылок. «Что я ей скажу?» Коломбина стояла вполоборота уперев руки в боки и хозяйским взглядом осматривала повозки. «Просить у такой женщины...» Он вздохнул и решительно направился к ней. Коломбина заметила его и подняла бровь. Карабас резко развернулся и бодрым шагом завернул за угол ратуши.

⁸ Капокомико – ведущий актер труппы в XIX веке, исполняющий роль режиссера.

«Да что со мной такое? Это же просто женщина. Причем хорошенькая. Да разве я хороших женщин не видел?» Обругав себя за неожиданную слабость, он решил незаметно идти за трупной и ждать возможности как-то себя показать. Из-за угла он посмотрел, куда трупья двинется с площади, и путем несложных умозаключений пришел к выводу, что остановится она в таверне «Толстый гусь», единственной на той дороге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.